

Николай АЛЫКОВ

ОСЦИЛЛОГРАФ СУДЬБЫ

Очерковый триптих

Если условно наложить судьбу любого человека на обычную математическую систему координат (X-Y), пустить линейный график жизни вдоль оси X, то получится затейливая и неповторимая картинка! Ось X спокойно и беспристрастно отмеряет годы существования этого Ното, а ось Y, как осциллограф, вычерчивает все подгёмы, спады, скачки и выравнивания в его биографии. Смотришь, у одного — сравнительно спокойная, почти прямая, бежит себе, рисуя одну запись в трудовой книжке, благополучную семью и обеспеченную старость. У другого — относительно правильная синусоида, с госадными недоразумениями в нижних загибах и уверенным восстановлением жизненных позиций в верхних. Случаются биографии в виде минусовых волнистых, подобий гипербол и парабол. И никогда такой график не может перейти в пунктир. Он может только оборваться, образуя новую систему координат с навсегда нулевыми значениями...

Одним словом, вернее, одной известной фразой: «Каждому — своё». Счастливо или нет, достойно или не очень, полезно или наоборот сложилась жизнь индивида, раньше его смерти не узнаешь. Потому как судьба оценивается только в целом и на любое значение оси «икс» может выпасть такой «игрек», что встанешь как вкопанный, и не знаешь, светит ли тебе очередное значение абсциссы!

Очерк I. ФАТУМ ТОЛИПА

Сижу напротив Толипа и наблюдаю, как он мелкими осторожными глотками отхлёбывает горячий крепкий чай из потемневшей алюминиевой кружки. Слушаю его и удивляюсь. Нет, не тому, что он появился на свет где-то в таёжных сопках, между Сахалином и Хабаровском. И даже не тому, какие родители произвели его на свет. Всё это мы теперь знаем из книжек и фильмов. Больше, пожалуй, поражает спокойный тон, с которым он рассказывает о вещах необычных, удивительных, порой — трагических.

Ещё светло, но в его крохотном мезонине полумрак. Заледенелое окошко, прокопчённые стены, простая потемневшая от времени кухонная утварь на единственной полке съедают уличный свет, а ленивые блики от печки танцуют на платяном шкафу, самодельном топчане и ножках стола, подчёркивая убогость жилища. Из тёмного угла таращит глаза чумазый котяра. Он хищник по природе и всегда готов молниеносно спереть всё, что съедобно. Но на дощатом столе под заледенелым окошком ничего вкусного.

Толип говорит спокойно, размеренно, как будто свой рассказ он повторяет наизусть. Хотя мне стоило больших трудов вызвать его на откровенный разговор. В полумраке хорошо различима только большая седеющая борода, да печные блики изредка пробегают по стекляшкам интеллигентных очков...

Дальневосточный роман

...В те далёкие годы суды были скорыми и срока давали большие. Закрывали надолго и увозили далеко. Если бы не приговор «тройки», калужанка Серафима никогда в жизни не побывала бы на Сахалине. Да какой там Дальний Восток! И за пределы района-то никогда бы не выбралась. Поэтому она открывала мир через оконные жалюзи

пересыльных тюрем, смотровые «глазки» этапных грузовиков и зарешеченные проёмы вагонных окошек. Скуден и неприветлив был тот мир. Для кого-то он был ярким, красочным и весёлым, для неё — тёмным и пустым. Да и сам Сахалин, как конечный пункт этапных мучений, не показался приветливым, хотя и был расцвечен летними красками. И хоть вольное поселение — не смрадный лагерь, но права на выезд и свободы не было...

Лето обрело свои истинные цвета, когда она познакомилась с молодым красивым пограничником. Их тут много было, военных. Погранзона, лагеря, на том конце страны — война, под боком — враждебная Япония, оккупировавшая южную часть Сахалина и готовая к прыжку на север. И он был не просто офицер-пограничник. А в придачу — «энкавэдэшник», комиссар отдельного дивизиона морских охотников и, естественно, коммунист.

Любовь зечки и офицера, может быть, не такая уж и редкость. Но, чаще всего, она имела недолгий и невесёлый финал. Находилась сволочь или с его стороны, или с её, и... Шекспир кряхтел в своей могиле. У морского охотника не оказалось рядом врага, у вольной поселенки — тоже. Мало того, он сделал её счастливой. Только что униженная, растоптанная и бесправная, она в одночасье стала свободней, выше и востребованней всех! Из раненного воробья она превратилась в гордую чайку, сильную и независимую...

Красивая любовь приносит плод. Он заявил о себе истошным криком во время спешного броска от побережья до Хабаровска. Заулыбались бойцы, услышав не свойственный для походного марша звук, примолкла на минуту тайга, обдумывая случившееся. А новая жизнь уже выбрала свою точку на оси Y, вернее — начала своё движение по системе координат. Ось «икс» отсчитывала первые часы новой жизни, линейка судьбы слегка вибрировала от громкого крика, выпрямляясь, когда губки находили упругий влажный сосок. Судьба, в безмерности пространства, всё ещё выглядела точкой и не имела признаков фатума. А имя мальчику дали как у отца — Анатолий.

Когда он научился мурлыкать, отец уже был заместителем начальника штаба по разведке Биробиджанского пограничного отряда. Когда пытался произнести первые слова, отец добывал милитаристскую Японию и, закончив войну, отправил жену с сыном в Молдавию к бабушке. Там было спокойно и сытно. Хотя в годовалом возрасте ещё не понимают, что спокойствие и сытость надо обеспечивать. Серафима растила сына вблизи от западной границы государства, папа заканчивал военную академию в столице. И тут линия судьбы Толипа сделала первый неожиданный изгиб.

Крупное воспаление лёгких — причина смерти. Таково было медицинское заключение. Линия жизни Серафимы прервалась...

...Толип сыпанул в кружку щепоть чая «со слоном» и залил крутым кипятком. Вопросительно взглянул в мою сторону. Я отказался.

— Ты Анатолий Анатольевич, а почему — Толип? — теперь я видел его в профиль, и он был похож на гнома из сказки, только крупного: сутулый и носатый старичок в редких бликах печного огня.

— Толипом я стал в Ижевске на оружейном заводе. Тогда АК-47, «калаш», начал пользоваться спросом во всём мире. Собирали автоматы тысячами, работали в поте лица, без выходных. А среди товарищей много было татар, удмуртов. Они и переделали Толика в Толипа. По-своему.

Он смотрел в заледенелое окошко и среди морозных искорок видел лицо матери. Бледное, холодное, неживое. Это, пожалуй, единственная память о маме...

Западная быль

Мамы не стало, а отцу было не до сына. Закончив Академию и немного прослужив в Калининградском погранотряде, он снова вернулся в Москву. Теперь уже в высшую школу КГБ на должность заместителя начальника спецкафедры. Готовили разведчиков из стран Варшавского договора. И только когда умерла бабушка, он забрал Толика к себе. Правда, сын отца почти не видел. А Толик, под присмотром родственницы, жившей с отцом, потихоньку рос, заканчивал школу и выбор, где учиться дальше, тоже сделал самостоятельно.

Он без труда поступил в Рижскую мореходку, сдав все три экзамена на «пятерки». С удовольствием и хорошо учился и уже мечтал о дальних плаваниях и экзотических странах. Но уже в конце второго курса кривая его судьбы вновь исполнила неожиданный поворот.

Всё случилось в яркий апрельский день, когда курсанты в увольнении решили заглянуть на танцплощадку. Толип сейчас уж и не помнит, кто развязал драку. То, что

не курсанты — точно. Да дело даже не в этом. Когда местные пацаны грубо обложили прибежавших милиционеров, раздался выстрел. (Зачем милиционеру понадобилось стрелять в безоружного, знают только он да следователь.) Один из парней вскрикнул, сделал несколько шагов и упал лицом на деревянный настил площадки. Как уж там разбирались, но все курсанты, бывшие в тот день в увольнении были отчислены из училища. Сам Анатолий даже в драке не участвовал.

Ехать домой он не хотел по двум причинам. Во-первых, чтобы не навредить отцовской карьере, во-вторых, просто стыдно быть отчисленным после двух лет учёбы. Лето провёл там же, в Латвии у своего сокурсника, тоже отчисленного за тот случай. Ребята помогли по хозяйству, отдыхали, а там и в армию время настало идти. Толику очень хотелось в морскую пехоту — здоровье позволяло, а попал в десант.

На короткое время пришлось вернуться в Москву. Там — курсы в школе парашютистов, прыжки сначала с вышки, потом с самолёта, учебный полк ВДВ и Витебская воздушно-десантная дивизия. Она считалась, как сейчас говорят, элитной, ещё в войну наводила ужас на эсэсовцев и закончила войну последней. Впрочем, витебские десантники и потом во всех заварухах участвовали (по заданиям партии и правительства). Вот и Анатолию пришлось лететь в Венгрию. То, что там увидел, осталось в памяти навсегда, а главное, что он понял: реальная жизнь гораздо сложнее, запутаннее и безжалостнее, чем то, что им рассказывали в школе.

Может быть, поэтому на Ижевском оружейном заводе Толип проработал недолго. Автоматные стволы, которые он «доводил» после армии в заводском цеху, навевали не лучшие воспоминания. В «Удмуртской правде» увидел объявление о наборе в геологическую партию и... стал бурильщиком. Строящийся Ижевский автозавод, крупные объекты Кировской области, восток Вологодской. Не было обустроенного быта, не было постоянной семьи, зато буровики получали приличные деньги. Впрочем, не каждого такой жизненный уклад устроит. Толипа устраивал. Может, он по природе своей был кочевником, может, просто судьба не предлагала другого варианта. Хотя... Как-то выдали получку, обновили рабочим спецодежду, да ещё и продуктов сверху дали. Мужики, довольные жизнью, пошли «закрепить успех». Сняли столовку, накрыли шикарный стол, и пошёл кутёж! Скоро пришлось придвинуть ещё пару столов, потому как гуляющих прибавлялось. К кому-то подсел дружок, к кому-то подружка... Толип был один и пил немного. В праздниках он всегда участвовал, но никогда не перепивал и похмельем не страдал, как некоторые. Мужики уважали его и за то, что, оставаясь в разумии и памяти, будучи не слабым и опытным в рукопашных делах, мог прекратить начинающуюся драку, недоразумения между начальником и подчинённым, остановить семейный скандал. Зная это, начальство не раз предлагало Анатолию должности бригадира, мастера, но он упорно отказывался. Он не хотел руководить, не потому, что боялся ответственности, а потому, что «умение подчиняться считал большим искусством, чем умение руководить».

Столовка гудела, на крыльце заливалась гармонь, в обеденном зале — радиола, ели-пили, плясали и танцевали. К Толипу подсел весёлый парень Витька Терентьев и указал ему на двух девчонок в дальнем углу, которые в их празднике не участвовали.

— Слева — Лида, — кричал Витька на ухо Анатолию, — одна, никого близко к себе не подпускает! Хочешь, посватаю?!

Лида словно почувствовала, что говорят о ней, и посмотрела в сторону буровиков. Толип встретился с ней взглядом и успел рассмотреть лицо. Ничего особенного. Простое русское лицо, симпатичное. А глаза... Ему двадцать шесть, и как-то не принято в этом возрасте говорить о любви с первого взгляда, но ему вдруг сделалось жарко. Он даже улыбнулся: «Что это со мной?» И боялся взглянуть в сторону Лиды, чтоб опять не встретиться взглядом. Он не был робким с женщинами, умел их брать просто и деловито, но... так на него ещё ни одна не смотрела! Взгляды пересеклись всего лишь на мгновенье, но как раз этого-то мгновенья память и не зафиксировала! Толип не слышал, что ему на ухо продолжал набалтывать Витька и старался удержать в памяти короткий взмах ресниц, васильковый импульс, как удар током. И держал какую-то минуту! Пока не почувствовал на своём плече лёгкое прикосновение...

Они танцевали весь вечер, и почему-то не казалось странным, что недотрога Лида сама первой пригласила незнакомого парня на танец и, никого не стесняясь, кружит с ним в свободном от столиков и людей углу зала. Только «сват» Витька Терентьев удивлённо поглядывал в их сторону и качал головой.

Анатолий пришёл к Лиде домой на следующий же вечер. Он, буро вик, без дома, без родни, увидел двух женщин, которые внимательно и молча смотрели прямо в его глаза. Лида — чуть испуганно и с любовью, мать — насторожённо и вопросительно. Он увидел, что в домике чисто, ухоженно и... пусто. Развернулся и вышел. Через полчаса он подъехал к их дому на Витькином «Зиле». Женщины так же молча смотрели, как Толип заносит и складывает на лавку коробки с продуктами, какие-то женские

вещи с ярлыками и ценниками, а в завершение он размахнул по дощатой столешнице новую скатерть с кисточками, белую и в крупную клетку. Потом повернулся к ним:

— Ну, красавицы, что замерли? Пора кормить мужика!

Они обе заплакали...

...Вместе с ранней июльской зарёй проснулись птицы. Их высвисты и трели залетали в полуоткрытое окошко, но не могли помешать сну этих двух людей. Анатолий спал так крепко, что мог услышать разве что взрыв гранаты во дворе. А уставшая Лида вообще не спала. Боялась. Боялась уснуть, а проснувшись, не увидеть рядом это обветренное, со шрамом на нижней губе лицо. Так и лежала, не шевелясь и осторожно дыша.

Анатолий приоткрыл глаза и снова окунулся в васильковый омут. Но уже не тот, пугающий и чужой. А ласковый и покорный.

Когда сели завтракать, Лида все ещё немного стесняясь, посетовала, зачем Толик потратил так много денег.

— У нас ещё есть, — он достал прямо из брючного кармана пачку двадцатипятирублевok и червонцев. Но спохватился и быстро засунул деньги обратно. Нашёл чем хвастать перед женщиной, которая привыкла экономить каждую копейку!

— Ничего, Лида, я заработаю этих бумажек, сколько надо, — он неуверенно погладил её волосы, а она понимающе улыбнулась в ответ.

...Толип две недели был на буровой, а когда вернулся, заглянул в конторку и заспешил в магазин сплавуучастка, где работала Лида. И встретил на мостике через ручей подпитого парня.

— Эй, буровик! Ты чужое взял...

— Не понял.

— А надо понимать. Ты Лидкой попользуешься и дальше бурить поедешь. А я её давно замуж зову.

— И сейчас зовёшь? — парень только успел головой кивнуть, а сказать уже ничего не смог, застонал на выдохе и сложился пополам. Он был выше и здоровей Толипа, а вот пресс оказался слабоват. Не сильный, но точный тычок в сплетение был проведён в воспитательных целях. Чтоб женщин не оскорблял и разговаривал уважительно, а результат получился страшно непредсказуемый. Парень присел, повалился набок и... скovyрнулся с мостика. Толип не успел его подхватить — в руке остался кусок фланелевой рубахи. Когда он сбежал вниз, у парня, упавшего с трехметровой высоты, синели губы, глаза закатились, он неестественно подёргивал всем телом, а от затылка по осиновому топляку струилась тёмная кровь...

Судьба Толипа всё отчётливей обретала черты фатума.

...Котяра вышел из своего угла на ящике с тряпками, вспрыгнул на стол и демонстративно пересёк его по диагонали. В полумраке он был ещё серей и внушительней, а размеры и вес подтвердили пружины кровати, на которую он сиганул со стола. Толип даже не отреагировал на соседство хищника и всё так же смотрел на ледяной узор. Я подкинул в печку три полешка и закурил. Щелчок зажигалки вывел Толипа из оцепенения. Он повернулся на вспыхнувшие поленья, и мне показалось, что на тёмной скуле блеснула слеза.

— Следователь предложил подписаться ещё под двумя нераскрытыми кражами. Тогда смерть парня будет оформлена как несчастный случай. Если не подпишусь — неумышленное убийство и девять лет. Я отказался, — Толип говорил так же спокойно, как будто не с ним это было. — Дали семь. А в посёлок не вернулся. Между нами с Лидой встала смерть.

— Почему?! — хотелось закричать мне. Но я не мог. Понимал, что это Толипа судьба и ему принимать решения.

Вспомнил, как он позавчера вызвал меня из редакции на улицу:

— Читаю твои статьи. Нравятся. А я пошёл в администрацию заявление писать. Пусть лишают меня гражданства. На пенсию в тысячу рублей мне не прожить больше. Болеть начал. Не смогу дров принести и замёрзну в мезонине... — тогда я и напросился на этот разговор.

У Толипа уже нет сил и желания восстанавливать трудовую книжку взамен утерянной во время скитаний по лагерям. Он писал на завод, но там не нашли его личного дела: где архив геолого-разведочной партии, никто не знает. А тут ещё начали высчитывать из его тысячи по четыреста рублей за то, что живёт не по месту прописки. Дома, где он был прописан, уже не существует, а в чужом мезонине его не пропишут.

Три сотни уже жгли мне карман, но я понимал, что Толип не возьмёт моих денег. А хоть бы и взял! Их хватит на неделю. А потом?

Очерк II. ЕЛЕНУШКА

Памяти Елены Белоусовой (Варзиновой)

Неспешно катит чистую водицу Толшма. Неторопливо и обстоятельно живёт Успенье на берегу неширокой реки. В деревне быт размеренный и монотонный. От зари до зари — летом, от темна до темна — зимой, изо дня в день, из года в год обиходят селяне и личное, и общественное хозяйство. Таков жизненный уклад.

Яркое июньское утро. На бездонном голубом небе повисли редкие пёрышки облаков. Лёгкий ветерок ещё не предвещает полуденной жары. Листья на берёзах, трава на лужайках не успели подёрнуться дорожной пылью и ласкают глаз сочной зеленью. На деревне тихо. Молодёжь, прогуляв допоздна, ещё спит. Крестьяне давно трудятся. В большом добротном доме Варзиновых на ногах только бабушка.

Она управилась со скотиной и готовит завтрак малышне. Их родители уже на работе. Первой проснулась Еленушка. Свесила ножки с кровати, трёт кулачками глаза, густые чёрные волосики закрыли лицо... Она ещё младшеклассница и не научилась вскакивать с кровати, как её старшие братья и сёстры.

— Не тронь глаза, иди умывайся, — это бабушкин полушёпот, чтобы не разбудить младших.

Лена жмёт на носик рукомойника и, чуть взвизгнув, отдёргивает ручонки. Вода, только что принесённая бабушкой из колодца, холоднющая-прехолоднющая! Но это только со сна. Ленка холодной водицы не боится. Хотя в Толшме, куда она с подружками ходит купаться и ловить меев, вода к обеду так прогревается, что становится, как парное молоко. Купайся — не хочу!

Скоро подружки побегут на речку, и Ленка проводит их завистливым взглядом... Ей ещё надо помочь бабушке управиться с младшенькими. Пока не до забав. А младшеньких — четверо! Кстати, и старших столько же. А Лена как раз посередке. По счёту — пятая. Всего девятеро получается у папы Коли и мамы Шуры (Шурёны, как называет её бабушка). В общем, когда последних рожали, старшие кто свадьбу играл, кто в армии служил.

Кстати, в колхозных мастерских во время зимних ремонтов техники, на перекуре, нет-нет да и пошутит кто-нибудь из мужиков на предмет необъятного семейства Николая Васильевича. На что тот невозмутимо и необидчиво парировал: «А вам слабо?» Такие мужики, как Коля Варзинов, не знают слова «обида». Высокий, стройный, плечистый. Кулаки с галанку (брюквя по-научному). Такие ребята, как правило, не обидчики, а защитники.

Как известно, в каждой деревне случается пара-тройка задир и забияк из числа мужского населения. Особенно во время праздников. А по пьянке иногда и в будни кто-нибудь захулиганит. Варзинов быстро усмирит. Никакого шерифа не надо! Уважали Николая Васильевича на селе не только за то, что был классным и безотказным механизатором широкого профиля, но ещё и мастером на все руки. И детей никогда не обижал, даже окриком. Но так посмотрит! Не забалуешь... Жалко и обидно — рано ушёл. Сахарный диабет.

Мама Шура, простая сельская женщина, всё время в делах и заботах. В колхозе, дома по хозяйству. Но как-то успевала и детям уделять достаточно внимания — все были чисто одеты, вкусно и сытно накормлены. Приходилось держать большой огород и всякую живность. И как успевала? Бабушка, конечно, большая молодчина, но и ей, в силу возраста, тоже приходилось нелегко. На работе девчонки сочувственно спрашивали Александру Васильевну, стоит ли заводить столько детей. У той даже сомнений никогда не было. Трудно? Да, трудно! Но ведь каждый ребёнок — это новая жизнь, целый мир, а сколько будет внуков, правнуков!

И главная трудность, как оказалось, не в том, чтобы одеть, накормить и выучить. Когда за каждого душа болит: а как там ребята в армии, не обижают ли; как дочки в чужих мужниных семьях со свёкрами да свекровками? Хорошо, если всё ладится. Но бывало и невосполнимое горе — совсем плохо, когда дети уходят раньше родителей... У мамы Шуры большое и терпеливое сердце. Она этим сердцем чувствует, что теперь должна и радоваться, и страдать за двоих: за себя и своего Колю. Ведь он всё видит оттуда, но вот помочь ничем уже не может...

Известно, что в больших семьях чаще дети вырастают порядочными, трудолюбивыми, заботливыми и ответственными людьми. Секрета тут нет. По мере взросления приходится помогать родителям по хозяйству: от простого мытья посуды до ухода за скотиной, сенокоса, огорода. Старшие ухаживают за младшими, учатся друг у друга, старшие — у родителей, младшие — у старших. То есть, уходя в самостоятельную жизнь, уже многое умеют!

Тогда, в конце восьмидесятых, не каждая сельская девчонка после школы могла

«замахнуться» на институт или университет. Лена туда и не стремилась. В свои шестнадцать она понимала, что родителям будет очень трудно помогать ей, а в большом городе на стипендию не проживёшь. И поступила в местный лицей, по-взрослому полагая, что ничего зазорного нет в любой, самой простой профессии. А специальность швей-мотористки пригодится и в семье: «Может, у меня тоже большая семья будет и своя швейная машинка». Тем более что в лицее общежитие хорошее и питание бесплатное.

Городские девчонки, особенно с курсов постарше, не сразу приняли худенькую, невысокую верхтолшменку с большими зелёными глазами и чёрными густыми волосами до пояса (может быть, просто завидовали?). Впрочем, это продолжалось недолго. Общительная, весёлая, да и за себя способная постоять, Лена Варзинова быстро вошла в коллектив. И с учёбой было всё в порядке.

Швей, правда, поработать не пришлось. В родном колхозе на пекарню требовалась заведующая. Страшновато было, ведь молодая ещё, а ответственность большая. Зря боялась. Всё получилось. И с отчётностью был порядок, и хлебушек выпекался вовремя. Были, впрочем, как и везде, неприятные моменты, но Лена научилась решать проблемы.

Однажды втюхали ей партию муки сортом ниже, чем расписано в накладной. Расстроилась, всплакнула... Ржаной хлеб ведь не будешь продавать по цене пшеничного. Но папкин характер и природная деловитость помогли. Пошла к председателю колхоза, объяснила ситуацию, и... вопрос уладили. Была она уже не маленькая худышка, а стройная симпатичная девушка. Выросла за время учёбы. Невестой стала.

Если есть невеста, жених найдётся. Нашёлся. Лена так и не поняла, была ли это настоящая любовь, ведь высокое чувство испытывала впервые. И сравнивать было не с чем — хранила себя для того единственного, который на всю жизнь... Когда сказала ему, что беременна, отвёл глаза — ни радости на лице, ни других эмоций... Не гусар и не джентльмен! Лена всё поняла, развернулась и ушла. А у самой в глазах потемнело...

Рожать пришлось в местном медпункте — не успевали в районную больницу — очень далеко. Получилась девочка Олеся. Розовенькая, в маму темноволосая крохотуля.

Лена за месяцы до родов успокоилась, настроилась на то, что воспитает дочку одна. Да и мама рядом, недалеко братья и сёстры. И собственный природный оптимизм — подмога.

Только воспитывать пришлось... троих! Так уж получилось, что два мальчика, примерно ровесники её Олеси, остались без мамы. Дочка была уже детсадовского возраста. Лена решила, что пусть мальчики растут с ней, чем... А Саша станет главой их полноценной семьи. Да — Саша. Высокий симпатичный парень, который пообещал Лене, что будет ей и детям надеждой и опорой. И стал. Ей — мужем, детям — папой. Не будем про любовь и другие чувства. Пусть с этим разбираются двое. Главное, что Лена обрела элементарное человеческое счастье!

Купили «КамАЗ», стали хорошо зарабатывать. Построили коттедж в новом микрорайоне города, баню. Рядом с ним — большой огород. Женщина из соседнего дома удивлялась: «Ленка, когда ты всё успеваешь? Как ни посмотрю, опять весь огород бельём завешан!» Эх, соседка, соседка! Ты плохо Ленку знала. Если бы потаскала мешки с мукой на пекарню, если бы грузила материал на «КамАЗ» на пилораме наравне с мужиками, если бы... Стоп! Сидя с чашкой кофе в руке на втором этаже нового собственного жилья, не будем о грустном!

Саша лес возил, Лена — в торговле. Дети росли — сад, школа. Всё как у людей. Олеся вышла замуж и родила Лене двух симпатичных внучек. Сколько радости было у бабушки! Потом и у девочек! Когда старшая немного подросла, от бабули не отходила.

А Лена умела радоваться жизни. И ценить само наличие счастья. Потому что видала, как живут многие семьи. Кажется, всё есть, живи да радуйся. Ан нет. Ссорятся, ругаются, находят проблемы на ровном месте. Эх, люди! Смотрите, можете пожалеть потом, да не вернёшь...

Однажды, придя с работы, Лена нашла Сашу на полу, в луже крови. Она упала рядом... Это произошло почти за год до нашего с ней знакомства.

В конце января, поздно вечером, ко мне постучали. Вошёл старый знакомый, с ним — женщина лет сорока. Хорошо одета, миловидное лицо, внимательный взгляд. Ещё успел заметить, что у неё зелёные глаза. Прошли на кухню. Налил им горячего чаю — на улице мороз.

— Ночеватьпустишь? — старый знакомый отхлебнул из чашки.

— ?!

— Да ты не понял! Вот еёпусти. Ленойзвать. Работали раньше вместе. Понимаешь,

ей ночевать нигде. Пришла к подружке, у той дома никого. А ты один в трёхкомнатной квартире. Она тебя не стеснит. Я Лене объяснил, что ты мужик порядочный, пенсионер, не обидишь и чаем напоишь. Идёт?

— Ноу проблем, как говорят корейцы.

— Вот видишь, Лен, а ты боялась. «Не пустит, не пустит!» Он хоть и древний, а чувство юмора в нём ещё живо. Ну, я пошёл.

— Я вас правда не стесню? — спросила Лена, когда знакомый ушёл.

— Не беспокойся. Я уже несколько лет один, а поговорить люблю. И каждому добру гостю-собеседнику рад. Может, ты отдохнуть хочешь?

— Да нет, я поздно ложусь. Вернее, ложилась... дома.

И вдруг... заплакала. Потихоньку, без надрыва, вздрагивания плечами. Просто закрыла лицо ладонями и плакала. Недолго. Пару минут. Такого поворота не ожидал. Но промолчал. Захочет — сама расскажет. (Просто в дешёвых фильмах случаются ситуации, когда женщина зарыдает, её пожалеют, утром — раз! — бумажника в пиджаке нет). Половина моего трудового стажа — в газете. Каких только жизненных ситуаций не приходилось видеть, слышать, описывать. От комических до трагических. Но я — не циник. И радоваться очередному «сюжету», естественно, не стал.

Постаралась побыстрее успокоиться, промокнула глаза розовым платком с красной каёмочкой и извинилась.

— Ещё чаю? — спросил.

— Нет, спасибо, — повернулась ко мне и сверкнула «изумрудами». На лице — широкая улыбка, как будто и не было слёз. — Не напугала вас? Просто у меня слёзы рядом.

— И по какому случаю плач Ярославны?

— Да стоит ли вас загружать проблемами? Смотрю, у вас они тоже есть, — она кивнула на мои костыли.

— Если тебе от этого будет польза, загружай, не стесняйся. Иногда обязательно надо выговориться.

Она рассказывала всю ночь и следующий день до обеда. Про Успенье, родителей, братьев с сёстрами. Про жизнь в городе с Сашей и ребятами. Как помогала ему строить дом и баню. Про то, что после его смерти сняла жильё в городе, днём работала, по ночам плакала. На днях хозяева съёмной квартиры попросили съехать, приведя на то веские причины.

— А коттедж? — удивился, когда она сделала паузу и закурила.

— Оставила его Сашиним родителям. Зачем он мне, если Сашки нет. Уж скоро год как нет...

В обед помянули Сашу и перешли на ты.

— Наверное, спать хочешь? — спросила Лена.

— С такими рассказами уснёшь...

— Тогда, если разрешишь, помою посуду.

— Ты мой её каждый день. Вон там, через зал, вторая комната. Она твоя. О квартплате не беспокойся — готовишь вкусно, а я зачастую консервы ем.

На том и порешили.

Лена жила у меня без недели год. Привела в порядок холостяцкую квартиру, даже цветы развела. Кормила вкусной домашней едой, учила кулинарному искусству. Летом и под осень солила грибы, варила варенье из «китайки». В декабре отметили её день рождения. Оказалось, ей уже далеко за сорок. В новогодний праздник со смехом вспоминали, как мне её «подкинули». Планировали летом кухню отремонтировать, заpaste грибов-ягод, оклеить веранду...

Пятого января, утром, Лена не отозвалась на моё приглашение к завтраку. Она не проснулась. Её не стало. Диагноз — как у мужа.

Лена ушла к своему Саше...

Мне всю жизнь везло на хороших людей. Под словом «хороших» имею в виду честных, порядочных, умных, открытых и т.д. Они окружали на работе, в армии, быту. Но таких, как Лена, не встречал. Может, потому, что не было необходимости присматриваться к другим. И это не запоздалый дежурный комплимент, уж поверьте. Меня давно научили отвечать за каждое слово.

Лена любила говорить в свободное время. На любую тему. И это не было пустой болтовнёй, как у некоторых. Было интересно слушать. В это время смотрел на неё и думал: «Девочка, у тебя есть хоть один недостаток?» Умная, хозяйственная, быстрая на ногу, инициативная. Она не ждала предложений, что сделать по хозяйству. Бралась и делала. А делать Лена умела практически всё. Старался ей помочь, чем мог, понимая, какое у неё горе и что на душе.

Одного не могу понять: почему таким светлым людям достаётся такая судьба...

Очерк III. РЫЖИЙ, АЛИК И...

Моя пятилетняя «семёра», на удивление надёжная и везучая, дала сбой. На тяжёлых угорах стала выдыхаться, как будто её кто за задний бампер придерживает. Опытный воюла подсказал: «Ты свечи-то давно менял?» Будем менять свечи. Подошёл как раз местный поэт Алик.

- Ты куда, Николаич?
- В «Запчасти».
- По пути.
- Садись.

Вышли мы из магазина с комплектом новых свечей, а навстречу — председатель дальнего колхоза Нина Николаевна. Как всегда с широкой и доброй улыбкой на лице. Поприветствовали друг друга. Как-никак её деревня — родина моих предков. Это я сейчас живу в райцентре. А мои деды, простые крестьяне, там обитали, посреди тайги и морозных болот. Мы с Ниной земляки, почти ровесники и по отчеству друг друга не зовём. Убрав улыбку, Нина посетовала:

- А ведь с Витькой-то худо...
- Что, заболел? — спросил я, зная, что мой дядя никогда в жизни ничем серьёзным не болел, хотя ему на седьмой десяток перевалило.
- Пьёт вторую неделю. Сегодня заходила проведать утром — лежит, глядит в потолок: «Худо мне, Нинка...» Опохмелять его не стала: с кем пил, тот пусть и лечит. Как Римма Ивановна уехала, так и пьёт.
- Ладно, Нин, разберёмся. Но ты хоть вечерком загляни к нему, проведай...
- Чего, Николаич, случилось? — подошёл Алик, когда председательша скрылась за стеклянной дверью «Запчастей».
- Рыжий пьёт.
- Все рыжие пьют, Николаич. А как им не пить! У рыжего спрашивают: «Тебе наливать?» А тот: «А я рыжий, что ли!».

Увидев, что я не отреагировал на шутку, Алик переспросил. Пояснил я Алику, что мой родной дядя сам из Череповца. На всё лето они с женой, Риммой Ивановной, приезжают как пенсионеры в свою родовую деревню. Там от покойной тёщи остался двухэтажный дом с огородом и английской лужайкой. Дочери привозят им внуков. А там речка, грибы-ягоды, парное молоко от соседки, магазин через дом и другие, экологически чистые, прелести. Но вот Римме Ивановне пришлось на время оставить отдых и уехать к дочке под Питер. А Витя почему-то запил. Бывает такое.

- Ты сказал «рыжий», — вспомнил Алик, захлопывая дверку моей «семёры».
- Так он рыжий и есть, натурально рыжий, — мы закурили, потому что сегодня ни мне, ни Алику торопиться было некуда.
- Что же ты, Николаич, родного дядьку и так неуважительно: «Рыжий».

Надо пояснить, что Алик — грузин. Хотя ни по обличью, ни по говору на кавказца не похож. Всё дело в том, что мама его наша, местная. Вышла замуж за грузина и всю жизнь прожила там, рядом с родиной Иосифа Виссарионовича. Несколько лет назад они приехали сюда на постоянное место жительства. На то свои причины.

У Алика более двухсот стихотворений. И все он помнит наизусть — память у него феноменальная. Направленность стиха разнообразная: от чисто лирических до заумно-философских. География тоже, но в основном кавказская тематика. Но и здесь, на севере, Алик успел за несколько лет почувствовать нашу природу, быт, обычаи и характеры. И стихи получаются не хуже «южных».

- Почему «Рыжий»?
- Знай, у нас «Рыжий» — это не оскорбление, а наоборот — елей на душу. Игра такая, что ли. Мне не сказать: «Дядя Витя, как я тебя уважаю, ценю, люблю по-родственному!» Обращение «Рыжий» заменяет весь этот «словесный понос». Понял?
- Понял, Николаич, — Алик выдул в форточку струю дыма: — Поехали, Николаич.
- Так у тебя до дома-то двести метров.
- К Рыжему поехали. Ему плохо, — Алик посмотрел мне прямо в глаза.

Я хоть не грузин горячий, но кровь новгородских казаков во мне булькает. И мы поехали. Благо крутых угоров на этих шестидесяти километрах не было, а свечи зажигания мы и в деревне заменим. Пока ехали, я рассказывал Алику про дядю Витю...

...Витька был младшим из детей в семье. Моя мама Каля — старшая, а в середине — моя тётя — Лина. Обе девочки, как в северной деревне водится, голубоглазые и русоволосые. А Витька уродился... рыжим. В армию Витька пришёл уже шофёром — успел получить права водительские. Вozил командира и на дембель ушёл с кучей благодарностей за честную и добросовестную службу. Эта дотошность во всяком деле, трудолюбие, помноженное на смекалку, мужицкую хватку, сохранились в нём до последних дней. И крутить бы Витьке баранку какой-нибудь колхозной «полуторки» всю

жизнь, но...

Северной Магнитке требовалось всё больше и больше умелых и трудолюбивых. И неприспособленных. Ведь жить сначала приходилось в бараках. Не зря академик Бардин настоял на строительстве огромного металлургического комбината именно в Череповце. Стоит Череповец на водной артерии всесоюзного значения — Волго-Балте — и как раз посерединке между железной рудой и каменным углём. Из патриархального уездного городка Череповец быстро превратился в индустриальный центр.

Парень долго не раздумывал. Но не довелось Витьке ни строить, ни сталь варить. Удивительно, но бывший солдат оказался именно в том месте и в то время, когда растущему Череповцу, запустившему и трамваи, и автобусы, понадобился ещё один вид транспорта — такси. Первые шесть новеньких «Побед» с шашечками на борту поступили в город металлургов. По весне одну из них доверили Виктору.

Работы хватало. Металлурги народ не бедный, строители — тоже. Виктору это на руку. Верней — на карман. Да и барак остался в прошлом. Квартиру дали в самом центре, на улице Металлургов, второй дом от площади Металлургов. Вот так! Теперь можно и семьёй обзавестись и детей рожать.

Обе девочки получились красавицы. Оленька в маму — русая, а Светланка... в папу! А характером обе — в родителей. Такие же деловые, напористые, активные. Сейчас обе при делах и при семьях. Витя успел ещё и внуков понявчить.

А тут и «Волги» подошли. «Победа» — машина, конечно, серьёзная и надёжная (раньше всё делали «на случай войны») — кулаком капот, как сейчас, не прошибёшь. Но «Волга ГАЗ-21»! Это, уж извините, комфорт и простор. Самого богатого металлурга не стыдно принять на борт!

Череповец в те времена — та ещё сборная. Со всей России-матушки съехались представители. Кто-то по идейным соображениям («Комсомол — даёшь!»), кто-то — денежку заработать. Если с нашими тогдашними зарплатами сравнивать, то у металлургов они были чуть ли не на порядок выше. Разве что передовые лесорубы у нас на востоке области получали достойно. Так ведь это лесорубы. На трелёвочнике с фанерной кабиной за день так надёргаться... Это сейчас валочно-пакетирующие, сучкорезные и прочие машины с кондиционерами в кабинах. Тогда, в шестидесятых, достойную денежку не просто было заработать...

...Алик с улыбкой попросил меня вернуться в Череповец. Он почувствовал, что меня, как бывалого газетчика, «понесло в дебри»...

Так вот. Съехались люди со всей страны Северную Магнитку строить. И не все с добрым сердцем и чистыми руками. Кто работал в такси, знает, что если на заднее сидение, особенно в ночное время, плюхнулись два нетрезвых мужика, то ухо надо держать остро и видеть их в зеркале. Но ведь и машину надо вести — ты не в поле, тут пешеходы, перекрёстки... Слава Богу, с Виктором не случилось такого, как с Сашей Ваничевым. Попросили отвезти в пригород, накинули сзади удавку... Им нужна была машина, сбежать в Питер от череповецкого угро.

Бывало, правда, отказывались платить. Кто-то обманом, кто-то внаглую. Но с Витей этот номер не проходил. Трое вылезли, сказали: «Давай, шеф!» — и пошли. Ну, Рыжий вышел из машины и вежливо попросил заплатить. Обернулись. Один, который поздравнее и повыше своих корешей, ухмыльнулся, оглядывая Виктора. Метр шестьдесят четыре ростом, с виду худенький. Эти трое не знали, что скрывается под простенькой клетчатой рубашкой...

В разгар драки, когда у тех, кто пониже, были разбиты носы и губы, тот, кто выше, вытянул руки вперёд и заявил громко: «Всё, рыжий, кончаем! — и добавил: — Ты меня убедил». Тот, кто поменьше, вытер красные сопли и достал бумажник.

Между прочим, дядя Витя ни на бокс, ни на самбо не ходил. А про карате тогда и слыхом не слыхивали. Да и откуда в нашей глубинке ринги и спортзалы! Правда, был опыт кулачных боёв «деревня на деревню», но это ведь нечасто, только по большим праздникам. Нет, у дяди Вити это природное. У него и в шестьдесят лет торс был, как у тридцатилетнего атлета.

Таких случаев в Витиной биографии было немало. И шапку пробовали снять, и перчатки. И на дачу за маком приходили... Зря Рыжий кулаками никогда не махал. И чётко понимал, когда драка необходима. А поскольку за любое дело он брался с особым азартом, делал всё ответственно и качественно и доводил начатое до логического конца, то и бой за справедливость — не исключение. Таков характер. Эти качества помогали ему во всём. Он чинил машины знакомым и незнакомым, правил кузова, варил пороги, регулировал клапана без щупа...

Все семидесятые Виктор таксовал безвылазно. Дети хорошо учились, жена была заботливая и хозяйственная. В таких условиях мужики стараются не рисковать, чтобы не спугнуть счастье. Но это не для Рыжего!

Однажды он стоял в кружке коллег-таксистов. Курили, рассказывали байки. За

длинным зданием вокзала резко вскрикивал маневровый тепловоз, люди спешили, кто к поезду, кто домой. Но заказов было мало. Хорошо отработанные автобусные и трамвайные маршруты устраивали большинство пассажиров. Тем боле что февраль случился тёплым и без вьюги, и несколько минут на автобусной остановке никого не пугали.

К остановке такси подошёл невысокий, лет сорока, мужчина в простеньком пальто и лисьей шапке.

— Ребята, в Вологду поедem? — он переводил взгляд с одного таксиста на другого.

— Не ближний свет, парень, — после паузы отозвался пожилой, в ярком вязаном шарфе таксист. — Есть поезда, автобус каждый час.

— Мне маму в больницу надо... — мужик не успел договорить, как Виктор слегка хлопнул его по плечу:

— Поехали.

Старушке на самом деле было тяжело. Виктор ехал быстро, но очень осторожно, стараясь не попасть в выбоину, закатанную грейдером. Вот и областная больница. Пассажиры наперебой благодарили отзывчивого таксиста.

Надо было возвращаться. Виктор подъехал к областному автовокзалу. Покурил с местными таксистами, надеясь найти пассажиров на обратную дорогу до Череповца. Желающих не было. Молодая, весёлая пара подошли к Виктору: «А в Тотьму поедem?» — «Ребята, мне в другую сторону, — собрался было отказать Виктор, но его природный добрый авантюризм возразил: — Поедем!» А про себя подумал: «Хоть с сестрой повидаюсь».

Зимняя трасса на Тотьму гораздо приятней, чем летом. Ровненько грейдирована, подсыпана, где надо. Ехать — одно удовольствие. Ребята вполголоса щебетали на заднем сидении. Мотор «Волги» ритмично напевал свою рабочую песню. И вот мы уже почти в четырёхстах км от своего диспетчера. Но Виктор знал: ребята предупредят Зою Николаевну, что Витьку унесло в Вологду, и до конца смены он может не успеть на базу. Он со спокойной душой покатыл по улицам зимней Тотьмы к сестре, которую давненько не видал.

Сестра Каля, увидев брата, завсплёскивала руками: «Витька! Ты откуда? Вить, случилось что? Витя..!» — «Успокойся, ради Бога, обычный рейс, пассажиры до Тотьмы. Вот заехал повидаться».

Старушка, сидевшая на кухне с Калей, узнала Виктора. Оказалось, что Степановна из их родной деревни, приехала в больницу по своим старческим делам, а вернуться не смогла — автобус не пошёл — перемело мосеевские поля. «Охти мне, Викеня, встретила бы на улице — не узнала!»

Как обычно перебрали родных. Виктор, пока ужинал, рассказал, как работа, как семья, как дети...

«Ну, Степановна, поехали». — «Куда, Вить?» — «В Слободку к тебе». — «Так ведь «Пазик» и то не пустили». — «Поехали, деушка, пихнёшь сзади!» — «Ой, Викеня, ой, чёрт рыжий...»

В мосеевских полях, конечно, сели. Лопата тут — не помощница. Не будешь ведь четыреста метров сугробов перелопачивать! Проще сходить в деревню за трактором. Слегка подпитой тракторист округлил глаза: «На «Волге» в Слободку? Хм!» — и стал натягивать телогрейку. Аналогичная процедура их ждала и в заозерских полях.

Высадив Степановну у сельповского магазина, Виктор отказался от чая, от денег и рванул обратно. Оба тракториста ждали его на продуваемых всеми ветрами полевых угорах...

В Тотьме Виктор заехал к Кале. Выпил из третьей бутылки сто граммов водки (две бутылки разошлись по трактористам в каверзных полях), два часа поспал, выпил две кружки крепкого горячего чая. Машина ещё не успела остыть...

...Без десяти минут десять утра Виктор подъехал к Череповецкому таксопарку. Мужики ничего не спрашивали: Витька такой, если надо, сам расскажет. Получилось, что ровно за сутки он отмахал без малого тысячу км. Диспетчер приняла путевой лист и только сказала: «Ребята, отвезите Витьку домой — он спать хочет». Глаза действительно просились закрыться...

...Алик сидел и улыбался. Он, наверное, думал о кавказских абреках, о которых часто упоминал на литературных посиделках. Абреки, ковбои, «рыжие»... У каждого вольнолюбивого народа — свои герои.

«Алик, расскажи про твою малую родину...»

*Не верите в правдивость моих строк? Но, ради уважения к поэту,
Услышьте поэтический мой слог. И пусть тогда меня накажет Бог,
Коль выдал ложь я вам за чистую монету!*

*Хочу воспеть я родину свою и ей отдать своё дыханье.
Я счастлив тем, что так люблю свой край родной в краю изгнания.*

*Я одержим одним мгновением: когда грехи моей души
Отпустят воды очищения святой Лиаввы и Куры.*

*Когда в святыне Горисджвари предстану я у алтаря,
Я помолюсь за мица-цхали, за край, что назван Грузия!*

Был жаркий июль. Моя «семёра» легко взлетела по новому «грейдеру» на угор, и... открылась Слободка! Родина моих предков, родина Рыжего...

Мы вошли в дом. Раздевалка с умывальником, дальше — переборка с проёмом, столовая. Справа — кухня с русской печью, слева большой стол и у переборки старинная металлическая кровать. Рыжий лежал и даже не повернул головы в нашу сторону.

- Деревянный — ты?
- Дядя Витя, это — мы.
- Пельменник? Ты как здесь?
- Проездом, Рыжий.

Оцепенение с него слетело, как осенний лист под ветром. Рыжий вертанулся на кровати, ноги крепко встали на широкоплахий пол. Взгляд немного задержался на грузине:

- С тобой?
- Он со мной, дядя Витя.
- Лады. Там на шотске — жареная печёнка с картошкой. Разогрей, пельменник.

Вы поешьте с дороги. А я морду лица умою. Второй день, Колька, лежу и всё думаю...

Рыжий загремел за переборкой носиком рукойника. Я кивнул Алику на устье печи. Алик взял сковородку и поставил на газовую плиту. Нашёл и нарезал хлеб. Принёс гранёные стаканы.

Вот за что я уважаю Алика, так это за его интеллектуально-авантюрный склад характера. Знаю его плохо, просто как неординарного поэта, в крупных переделках, которые роднят мужиков, с ним не бывал. Но ему лишних слов говорить не надо. И если тема одна и цель ясна, зачем слова? (Может, тоже стану поэтом!)

Рыжий вышел из-за переборки посвежевший и помолодевший.

- Водка есть? Поправиться бы...
- Есть, дядя Витя, — я сходил к машине и поставил поллитровку на стол.

Пока Рыжий принял полстакана, мы с Аликом жевали горячую, снабжённую специями и томатной подливой печёнку. Вкусно!

Дядя Витя колупнул вилкой в сковородке и повернулся к Алику:

- Ты Кольке кто?
- Друг.
- Это хорошо.
- Он поэт, дядя Витя.
- А по жизни?
- Поэт.
- Понятно.
- Ничего тебе, Рыжий, не понятно, — сто граммов водки придали мне смелости.
- А ты, пельменник, не встревай, — глаза у дяди Вити по-доброму искрились. —

Вы мне тут ещё расскажите: «Поэт в России больше, чем...»

Мы с Аликом переглянулись: ничего себе дядька даёт, вот тебе и простой водила!

Наше скромное застолье сопровождалось мужскими разговорами: «Клапана регулируешь? Масло вовремя меняешь? Тормоза как?» Дядя Витя никогда не давал своей технике жить без ухода. Ему техника отвечала взаимностью. Всегда была исправна и надёжна.

Он повеселел, уже не выглядел больным с похмельным синдромом. Когда технические вопросы были заданы, а пустая бутылка «ушла» в мусорный ящик, я решил, что теперь моя очередь задать пару вопросов.

— Дядя Витя, а ты чего это расслабился? Скучно без Риммы Ивановны? Ведь ты же алкоголик-то очень умеренный...

Он смотрел в окошко. Там висела, чуть не касаясь стекла, огромная рябиновая гроздь. Ягоды были жёлто-оранжевые, ещё недозревшие. У меня даже во рту стало кисло.

Алик не выдержал паузы:

- Дядя Витя, а можно я тебе стихотворение прочитаю?
- Давай, Алик...

*Опрокинулась в ночь Вологодчина, и мерцанием звёздных огней,
Росой серебристой измочена ткань бархатистых полей.*

*В лунном сиянии плещутся древних церковей купола.
Над берегом Сухоны шепчутся о чём-то своём тополя.*

*Шалью туманной укутаны бледные плечи берёз.
Стоят, распустив свои локоны, в таинстве девичьих грёз.*

*Дымка прохладною пенится над гладью озёрных зеркал.
И в этом спокойствии нежится тлеющий в небе кристалл.*

*Дорогами странствий гонимый, выйду я в поле босой,
И, жаждой в скитаньях томимый, напьюсь я душистой росой.*

*И в тишь благодатного края я тонкою струйкой вольюсь,
В душистом стогу утопая. Меня убаюкает Русь.*

А большая гроздь через тонкое стекло била Рыжего по его широкому носу...

— Нет, ребятки, дело не в Римме. Иногда найдёт что-то. Всю жизнь суетился-суетился, и... так она быстро пролетела!

— Пусть дядя Витя погрустит полчаса, — предложил Алик, — покажи мне Слободку.

И мы вышли на деревню. Центральная усадьба колхоза. Контора, клуб, памятник погибшим на полях сражений. Большинство домов уже пустуют. А деревня раньше была — загляденье! На высоком холме, а внизу Двиница — речка-ручеек. Меж домами вековые липы.

Зашли в магазин. Молодая женщина-продавец внимательно взглянула на меня:

— А я вас помню. Вы к дяде Вите приехали? Или по делам?

— И то, и другое, землячка. Вас как звать?

— Света.

— Здравствуйте, Света.

Хотел спросить по обычаю, чья она (может — родственники), но не стал. Что уж теперь, если меня увезли в город совсем маленьким. Алик дипломатично торчал у дальнего прилавка, у окна, внимательно разглядывая витрину, на которой валялись карандаши цветные, бритвенные лезвия «Спутник», детское мыло и другие мелочи, так ненужные людям в этой деревне.

Алик перешёл к рыбной витрине и внимательно смотрел за прилавков. Туда, где в углу стоял «на попа» остаток рулона дешёвой типографской бумаги. Хлопнула дверь и в магазин влетели две девчухи-хохотушки, лет по семь-восемь. И чуть ли не с порога:

— Тётя Света! А мороженое привезли?

— Девочки! А где ваше «здасьте»? — Алик стоял в позе директора школы.

— Здравствуйте... — пролепетали обе в один голос.

— Вот. А теперь — мороженое за мой счёт. Если вы выполните одно маленькое, но ответственное поручение, — последнюю фразу Алик произнёс с лёгким грузинским акцентом, — девчонки, наверное, не видели «Кавказскую пленницу» и молча смотрели на незнакомого «иностранца». — Света, а что это у вас за рулончик в углу? — Алик указал за прилавков.

— Так это... я... Селёдку заворачиваю.

— Отрежь мне, пожалуйста, два куска, форматом 22, — Алик руками показал примерные размеры стандартного листа ватмана. — Девочки, берите по два мороженых, а мы пока порисуем, — Алик взял у Светы толстый, синего цвета фломастер.

— Диктуй, — я положил на стол покупателя первый лист и взял в руку фломастер.

— «Внимание!» — Алик указал на верх листа, потом — ниже: «Сегодня, в 19.00, в сельском клубе состоится литературный вечер тотемского поэта Алика Горели. В репертуаре 200 стихотворений. Буду читать, пока не заснёте. До встречи!»

«Последнюю стопку не надо было ему наливать», — подумал я.

— Повтори на втором листе, — сказал мне Алик и повернулся к девчухам как к старым знакомым.

— Ну, как мороженое?

— Вкусное! — опять хором ответили хохотушки (наверное, с пелёнок дружат).

— А теперь — задание. Тётя Света выдаст вам кнопки, и прикрепите эти две булавки на самые людные места — на магазин и вон на тот щит, в центре, — там раньше киноафишу клеили.

— Алик, они маленькие, они не смогут...

— А ты, дядя Коля, не тормози инициативу молодых, я им, конечно, помогу, —

Алик взял листы, девчушки — кнопки, и они дружно вышли из магазина.

— Он что, правда поэт? — спросила Света, подавая мне продукты и две «Рябины на коньяке».

— Да, Светлана, он хороший поэт. Приходи в клуб, и если не понравится, ты первая бросишь в него камень. В меня тоже.

Дядя Витя жарил мясо с картошкой в большой чугунной сковороде. А на столе уже стояла окрошка и гора хлеба обоих цветов из местной пекарни.

— Ну, как наши достопримечательности? — мельком взглянув на «Рябину», поставленную между блюдом с окрошкой и хлебом, спросил дядя Витя.

— Ваша главная достопримечательность, — философически и многозначительно изрёк Алик, — это — люди!

Дядя Витя перестал помешивать в сковороде:

— Хорошо сказал, Алик, по-нашему...

Мы выпили по полстакана «Рябины» за хороших и добрых слободчан и налегли. Алик — на окрошку (он такого блюда не едал), я — на картошку с мясом. Пошла умиротворённая беседа. Я видел, что Рыжему хорошо, и понял, что мы приехали не зря. Не заметили, как солнце покатилося к закату. На дяди Витиных ходиках стрелки показывали половину седьмого вечера. Алик было стрельнул глазами на «Рябину», но я отрицательно помотал головой и указал на часы с гирьками в виде еловых шишек.

— Не беспокойся, Николаич, я готов.

Дядя Витя за переборкой жарил толстые ломти «докторской». Я тронул его за плечо:

— Мы уходим.

— Как? Куда?

— В клуб, народ придёт слушать стихи Алика.

— А вас не убьют?

— А мы убежим!

— Возвращайтесь скорей.

В фойе клуба стоял бильярдный стол и местные пацаны гоняли самодельным кием жёлтые с выщерблинами шары. Я с опаской заглянул в зал. Там был народ! Не аншлаг, конечно, но люди пришли! На часах — без пяти девятнадцать. Внизу, у сцены, стоял небольшой стол и два стула. Света позаботилась, догадался я.

Мы вошли в зал, поздоровались. Бабушки с переднего ряда вразной по приветствовали двух, неизвестно откуда свалившихся «народников». Люди моего возраста из середины помахали мне рукой (узнали!). Молодёжь сзади промолчала.

Я представил Алика. Сообщил, что вечер будет состоять из трёх частей. Первая — тема Кавказа (объяснил — почему). Вторая — лирика. Третья — тема севера (тоже — пару слов о понятии «малая родина»).

Алик встал за стол, отодвинув стулья. А я вышел в фойе к бильярду преподавать молодым землякам мастер-класс.

Через полчаса мужики вышли на перекур. Один из них, мой знакомый, улыбнувшись, спросил:

— Кто вас надоумил? Кино теперь не кажут, с концертами из города не приезжают...

— Вот это и надоумило. Ну как?

— Дослушать надо.

Это меня успокоило: значит, заинтересовались. А то бы сразу ушли. Вторая и третья части литературного вечера прошли с не меньшим успехом. Об этом можно было судить по аплодисментам перед вторым перерывом и в конце вечера.

Я приоткрыл дверь и...

*В охладевшие руки вложите святое распятое,
Уложите меня под холодным мерцаньем светил.
Постелите мне скорбь, где искал я туманное счастье,
Заблудившись в крестах безымянных могил.*

*Положите под голову русскую славу и доблесть.
И омойте мне раны росой душистых полей...
Не судите мою опустевшую душу и совесть.
Усмирите мой гнев перезвонами гревных церквей.*

*Напоите слезами меня. Истекающий кровью,
Я теряю надежду в закате прошедшего дня.
Образ святой мне поставьте свечой к изголовью.
Православным обрядом, молю, схороните меня.*

*Схороните меня над рекой у заброшенной церкви,
Где гуша изорвёт о кресты куполов свою грусть...
Там, где фрески святые от скорби к народу поблекли.
Там, где ждёт возрожденье своё православная Русь.*

Но самым трогательным было то, что, когда старшие разошлись, стайка молодых парней и девочек остановили нас возле памятника героям и попросили Алика почтить ещё!

Он им читал то, что суровые критики от литературы не рекомендуют читать со сцены.

Меня дёрнула за палец маленькая девчужка:

— Я от дяди Вити. Он послал меня узнать, когда вас убьют и... когда греть колбасу.

— Иди, маленькая, скажи — пусть греет!..

— Живы? — дядя Витя появился из кухни всё с той же огромной сковородой, и по столовой поплыл запах жареной колбасы. — А вы молодцы, ребята, без комплексов! Тут Нина Николаевна заходила, посмотрела на меня, рукой махнула и ушла, — дядька хитро ухмыльнулся.

На ходиках было почти два ночи, а мы всё говорили. Но самое удивительное: во второй бутылке оставалась ещё половина «Рябины». И спать не хотелось...

Когда проснулись, дядя Витя уже сварганил завтрак. Алику густую окрошку, мне два ломтя жареного мяса, сдобренных чесноком и томатным соусом.

— Рыжий, — спросил я, — ты всегда так готовишь?

— Для гостей.

— А я уж хотел у тебя остаться — я дома консервы ем.

— А ты не ленись и приготовь, — дядя Витя проимитировал удар в моё солнечное сплетение. Я был готов и не дрогнул, за что он одобрительно хлопнул меня по плечу.

За завтраком молчали. Нам уезжать не хотелось, дяде Вите не хотелось с нами расставаться. Но надо было ехать.

— Машину я проверил. Клапана в норме, тормоза — тоже, но ручник плохо держит — исправь.

Дядя Витя смотрел в окно на оранжевую гроздь рябины, и мне показалось, что он смахнул слезу. Возраст...

Всю обратную дорогу мы с Аликом перебрасывались лишь короткими фразами. Ни ему, ни мне говорить не хотелось. На душе было легко и спокойно. Но немного грустно.

— Рыжий пошёл за водкой? — Алик угадал мою мысль.

— Нет, — твёрдо ответил я.